
ОТ АВТОРА

Эта книга не о фактах и явлениях жизни коренных американцев в Соединенных Штатах Америки. У автора нет знаний на эту тему.

Она об одной семье беженцев из Советского Союза, о ее чувствах, переживаниях, понимании этой семьей нового для нее социального окружения, получении членами этой семьи знаний о правилах жизни в этой новой для них стране и об адаптации к новой жизни в течение первых нескольких лет после прибытия в Америку.

Эта книга о различиях между представлениями этой семьи об американском образе жизни и реальностью, о чувствах и переживаниях профессионалов, которые долго не могут найти путей для применения своих знаний и, наконец, находят профессиональную работу.

Описанные в книге факты, переживания и чувства членов этой семьи — реальны, но имена этих людей, как и имена их ближайших друзей и родственников, изменены.

Появление этой книги было бы невозможно, если бы у этой семьи не было любимых друзей и родственников, с которыми один из ее членов вел переписку с искренним описанием повседневной жизни семьи.

Я сердечно благодарна моим друзьям и родственникам за то, что они существуют, за их душевную, теплую поддержку и за то, что испытания этой семьи оказались описаны. Без этих дорогих людей ни одно письмо не было бы написано, и почти ничего не могло бы остаться в семейной памяти об этом удивительном испытании наших человеческих качеств новой жизнью.

В связи с тем, что в США принято всех прибывших из бывшего Советского Союза называть словом «русские», независимо от национальности, которая была у этих людей при их жизни в Советском Союзе, я решила снабдить кавычками это слово,

если в русском понимании оно не согласуется с принадлежностью к русской нации.

Для облегчения понимания «кто есть кто» в этой переписке сразу сообщу используемые в книге имена членов этой большой семьи. В семье Якова и Марии Веры (в быту — Мэй) есть взрослый сын — Алексей, имеющий свою семью. Леша, его жена — Катерина (в быту — Кэтти) и дочь — Диана (в быту — Ясенка) приехали в Америку вместе с родителями Леша в начале 1991-го года; в Америке у них родился сын — Израэль (в быту — Нася, иногда он в книге называется «гражданин», ибо долгое время был единственным полноправным гражданином США в этой семье). Родители Кэтти (мама — Рэйчел и отчим — Иосиф) и ее бабушка (София) с дедушкой (Юрием) приехали в Америку на два года позже. Родной и очень любимый Яковым брат — Моисей (в быту — Моня) с женой Маргаритой (в быту — Ритой) живет в Израиле.

Уехавшая ранее с дочерью Наташей и мужем Наташи Андреем близкая приятельница этой большой семьи — Роза — усилиями Наташи и Андрея способствовала тому, чтобы ее еврейская община взяла на себя в течение первых месяцев поддержку большой семьи Мэй. Как и все члены моей семьи, я безмерно благодарна и этим людям с большим сердцем и благородной душой, и еврейской общине за все, что они сделали для облегчения первого периода нашего пребывания на новой для нас земле.

Родители Андрея и его бабушка должны были пройти интервью в Американском посольстве в Москве после нашего отъезда в Америку, и Мэй обещала после своего первого знакомства с новой жизнью написать им подробное искреннее письмо. С этого письма и начинается переписка с друзьями и родственниками.

В переписке используются фамильные имена четырех дружеских семей: живущих в США: Ивановых (Лена и Тим) и Молдавских; Илюшиных (Сара и Тео), живущих в Израиле; Андреевых, живущих в Москве. Без их упоминания мне оказалось затруднительным передать содержание своей переписки с родными и друзьями, хотя имена друзей в подавляющем числе случаев в переписке отсутствуют (я не чувствую себя вправе нарушать частную жизнь своих любимых друзей и родных, живущих в России и в разных странах мира). Семья Ивановых, приехавших в Америку значительно раньше семьи Мэй, своим еженедельным телефонным общением, моральной, душевной

поддержкой, личным примером и личным участием оказала неоценимую психологическую поддержку семье Мэй. Двоюродный брат Якова и его чудесный сын оказали нашей семье незабываемую помощь. И нашей благодарности всем этим в высшей степени благородным людям нет границ.

С надеждой, что эта книга затронет чувства читателей,

Мария Вера Диеггер

НАШ ПЕРВЫЙ ГОД В АМЕРИКЕ

КОНЕЦ АПРЕЛЯ 1991-ГО ГОДА — ЧУТЬ МЕНЬШЕ МЕСЯЦА, КАК МЫ В АМЕРИКЕ

Дорогие наши!

Это письмо — выполнение данного вам мною обещания подробно описать таможенный контроль, перелет через океан, встречи на американской земле, нашу квартиру и мнение, что следует брать с собой сюда.

Рады были узнать, что интервью уже вами успешно пройдено, а в середине сентября можем увидеть вас совсем рядышком и обнять. Вы же, наконец, увидите своего жизнерадостного, улыбочивого, зубастенького внученка, на чудесном личике которого видно, что он большую часть времени проводит на свежем воздухе, и это в огромной степени заслуга его бабушки Розы, которая в нем души не чаёт и все свободное время старается проводить с ним. А это — почти все дни напролет, за исключением часов, занятых на сидение с детьми врача.

На ваших ребят приятно смотреть. Если бы они не говорили по-русски, можно было бы не сомневаться, что они — американцы. Их манера держаться (непринужденная и, одновременно, с достоинством), их очень хороший английский, одежда и местный способ жизни, с которым они уже сроднились, очень выгодно отличают Андриюшу и Наташеньку от всех остальных членов уже довольно многочисленной русской колонии. У Якова был случай убедиться в деловых качествах и компетентности Андриюши, когда Яков обратился к нему за советом по делу, в котором наши друзья совершенно запутались. Яков вернулся домой очень довольный этой беседой и сказал, что Андриюшу в этой стране должно ждать блестящее будущее. Пусть так и будет!

Городок, где мы живем, чудный: зеленый, чистый, уютный. Ходить по нему, любоваться колониальной эпохи зданиями, среди которых масса культовых многих религий и религиозных течений, — одно удовольствие. И днем, а особенно вечером, можно гулять, не встретив ни одного человека. Только проносятся мимо тебя машины, или тихо шелестя шинами, или с громкой рок-поп-джазовой музыкой с подпрыгивающим в такт молодым водителем, от избытка чувств и для простора снявшим крышу со своего автомобиля. Все перекрестки четко размечены, снабжены соответствующими сигнальными устройствами. Водители, обязанные по правилам въезжать на перекресток, если он свободен от пешеходов, твердо придерживаются правил, а на нас это производит впечатление необыкновенной вежливости. Основа же этой вежливости — боязнь очень строгих наказаний за нарушение правил. Помимо очень крупных штрафов (300 долларов за выброшенную на скоростной дороге сигарету, плюс к этому несколько месяцев тюремного заключения), водители автомобилей больше всего боятся лишения водительского удостоверения на полгода или больше, т.к. без машины, действительно, здесь жить практически нельзя. Все — от расположенных на границе города или за городом супермаркетов до поиска работы и езды на найденную работу — требует личного транспорта. Кроме того, водительское удостоверение — самый главный документ, удостоверяющий личность. Это — наш паспорт и еще больше (паспорт с кучей справок). Им пользуются везде — от банков и почты до магазинов, госучреждений и будущего места работы.

Городок расположен на холмах, центр города (а мы там живем) находится в низине. Чем дальше от центра, тем чище воздух на холмах, хотя и в центре из-за массы зелени он — как в пригородах Москвы, а может, и чище. Очень богатые люди, имеющие дома в этом городе, большую часть жизни проводят в своих пригородных усадьбах. Такие усадьбы составляют маленькие городки. Найти эти усадьбы без direction (указаний, где съехать со скоростной дороги, где повернуть направо, налево) невозможно, т.к. такие городки трудно отличить от лесных массивов, которыми и занят почти весь наш штат, состоящий из множества холмов, в большинстве своем покрытых лесами. Таких зеленых городков масса. К ним ведут прекрасные, практически горные дороги, являющиеся скоростными, по которым ездят со скоростью 50-55 миль в час, что по-русски составляет более 80 км в час. В России из-за качества дорог и машин с такой

скоростью сложно ездить даже по прямым дорогам. Трудно представить себе машины в Союзе, которые с места брали бы такие крутые подъемы и так уверенно тормозили на крутых спусках. Здесь есть и горнолыжная база. Поэтому и горнолыжнику жить в таких местах — одно удовольствие.

В городе днем белки бегают и прыгают по лужайкам, кустам, деревьям. Много птиц-певуний. В период белых ночей в Ленинграде здесь птицы поют почти сутки напролет. По вечерам небо — хоть занимайся астрономией. Очень красиво.

Идешь по безлюдным улицам, и вдруг навстречу — редкий прохожий, чудом избежавший сидения за рулем автомобиля. Независимо от возраста, пола, цвета кожи — почти всегда он первый приветливо улыбнется и скажет: «Хайя» (How are you) или «Хай-донт» (How do you do). В час ланча (по-русски — обеденного перерыва) на центральные улицы вдруг высыпает масса служащих (их узнаешь сразу: женщины независимо от возраста красиво, но строго одеты, в чулках, хорошо причесаны и обязательно с макияжем; у мужчин все чисто, приглажено, блестит), все приветливы, каждый тебе мило улыбнется, хотя ему от тебя ничего не надо. Такое внимание прохожему в Союзе уделяется лишь если им является красивая молодая девушка или очень крупный начальник. Но еще больше этому удивляешься, когда встречаешь этих служащих в конце рабочего дня. Они, конечно же, устали, стремятся быстрее пройти десяток шагов к своей машине, чтобы скорее добраться до дома и сбросить с себя весь официоз. И вот я иду по улице, а навстречу мне идет с работы молодая служащая. На ее слегка усталом лице при виде меня появляется такая добрая, ободряющая улыбка, что сердце сжимается: чем я заслужила от нее такое человечески теплое обращение? А для нее это — естественно. Она с пеленок только такое поведение и видела. И опять возвращаешься мыслями к Союзу. И горько, и страшно за живущих там людей, которые ничем не хуже здешних, а многие, наверное, душевно и интеллектуально богаче. Но так, тоже с самых пеленок, устроена их жизнь, что ни себе, ни окружающим добра и любви их жизнь не приносит, их вид не приносит, общение с ними не приносит за редкими для каждого отдельного человека исключениями, которыми являются дорогие сердцу друзья, приятели и хорошие знакомые.

Многое из того, о чем я напишу, вам может быть уже известным из писем ваших детей. Я надеюсь, вы простите мне эти «повторы». Я просто буду писать о том, что узнала **для себя**

нового или считаю важным вам сообщить. Итак, начну с начала, с Москвы.

СБОРЫ В МОСКВЕ

Мы неправильно собирались в Москве. Не столько потому, что в результате наших сборов квартира осталась полна непроданными вещами и производила, по замечанию наших родственников из Кишинева, живших в ней несколько дней после нашего отъезда, впечатление квартиры, из которой хозяева просто куда-то ненадолго вышли. Мы не взяли с собой того, что здесь приехавшим безработным действительно необходимо. Об этом теперь говорит даже Яков, который настаивал вообще все бросить и ничего с собой не брать. А то, что предусмотрительно положили в ручную кладь, пропало в пути, когда по настоянию служащего авиакомпании мы в Нью-Йорке ручную кладь тоже сдали в багаж.

Теперь мне кажется, что правильно собраться можно, если представить себе, еще находясь в Москве, варианты квартир, в которые въезжаешь в Америке; представить обычную человеческую жизнь, проводимую в американской квартире, и американские цены на вещи первой необходимости. Наш вариант квартир я опишу позже. Может оказаться, что у вас будет, скорее всего, вариант Любиной квартиры (мы еще не знакомы с квартирами из частного сектора).

Что касается цен на самое необходимое, то наша семья пришла к выводу, что все здесь стоит столько же в долларах, сколько в рублях стоит в Союзе. Это, конечно, грубо, но за несколькими исключениями близко к реальности (на продукты — речь идет о ценах после второго апреля, а на товары — до второго апреля).

Доходы же наши таковы: первые 2-3 недели — 30 долларов в неделю на взрослого человека (20 — на ребенка), а затем: деньгами — половину (15 долларов), плюс продуктовые карточки из расчета примерно 3 доллара на взрослого человека в день.

Требования американской человеческой жизни: утром и вечером — душ, минимум 2 раза в неделю — мытье головы, ежедневная смена нательного белья, мужских сорочек и верхней одежды. Стоимость стирки в одной машине — 75 центов, такова же стоимость сушки этого количества белья. Например, наши ребята загрузили (через 2 недели пребывания здесь при неполном следовании образцам американской жизни) три стиральные

и три сушильные машины (их семья состоит из трех человек) и потратили на стирку 4,5 доллара!

ТАМОЖНЯ

У Якова создалось впечатление, что при прохождении таможи, акценты, расставляемые ее служащими, зависят от типа рейса: прямой до Нью-Йорка или с пересадкой. Рейс, вылетевший накануне, по словам очевидцев, перетрясли до основания. Мы же вылетали во вторник рейсом через Франкфурт-на-Майне. Наш багаж не взвешивали. Строго следили за размерами, особенно ручной клади. У нас создалось впечатление, что какие-то совсем небольшие сумочки (кроме ручной клади) при этом можно было бы иметь в руках дополнительно. И в самолете их благополучно можно было бы разместить (мы к этому готовы не были, т.е. кроме ручной клади ничего не имели).

То, что надо было декларировать, я вынула из ручной клади, сложила в двойной целлофановый мешочек. В декларации потребовали уточнить состав каждого гарнитура (например, кольцо плюс серьги) и его стоимость. Спросили, есть ли бриллианты. После ответа «Нет» поштучной проверки целлофановый мешочек не проходил. У нас уточнили, что два портрета, которые мы возьем, — изображения Якова и меня.

Наши ребята забыли декларировать одну из картин, имеющих право на вывоз. Она была в их багаже. Не декларированную вещь (картину), обнаруженную с помощью телевизора, заставили достать из багажа. Ребята ее вытащили. На картине были все необходимые наклейки, да и картина — ерундовая, только ради памяти о каком-то событии в жизни семьи она и была взята. Картину разрешили уложить обратно. Зато из декларации велели вычеркнуть картину, выигранную ребятами в лотерею. Таможенником было сказано, что это — не картина (недостойна называться этим словом).

Была заминка с нашей ручной кладью, которая составляла лишь часть сумки, размер же самой сумки превосходил допустимый. Вы помните, как трудно было купить сумку нужного размера, поэтому Яков у нас дома настоял, чтобы одна из ручных кладей была именно в этой сумке и больше поисками сумок не заниматься. Он считал, что после таможенного досмотра содержимого ручной клади этой сумке с помощью веревок будут приданы нужные размеры. Однако нужные размеры на таможне потребовались до досмотра содержимого багажа. В спешке, без

перевязывания, которое глупо было осуществлять непосредственно перед предстоящим досмотром содержимого багажа, Якову не удалось засунуть эту импровизированную «ручную кладь» в прокрустово ложе ящичка, имитирующего ручную кладь. Сгоряча Яков выбросил нашим провожающим часть вещей из этой ручной клади, после чего успешно засунул эту сумку в мерный ящичек. После и Яков, и Кэтти очень сожалели, что не вернули вынутые из сумки вещи назад. Такая возможность была, если бы вся эта операция с **нашей** стороны проделывалась без волнения. Кстати, именно эта сумка-ручная-кладь (в нее впоследствии мы еще положили в Нью-Йорке мое зимнее пальто, а перед этим еду, которую я не могла есть в самолете, рассчитывая, что перекушу в перерывах между полетами) — и пропала.

Надо, чтобы каждое место багажа имело наклейки латинскими буквами с фамилией и городом назначения. На ручной клади мы этого не сделали. Вот ее и не могут найти. Хорошо, что я так и не вложила туда пакетик с декларированными драгоценностями. Весь путь этот пакетик автоматически находился у меня в руках, ибо я очень боялась потерять вашу коробочку. И хорошо, что перед отдачей этой сумки в багаж в Нью-Йорке мы вынули из нее эти два портрета, чтобы они не разбились в пути, т.к. сумка была из болоньи.

Итак, что касается таможи, то все задержки и неудобства были по нашей вине, если не считать одного очень страшного обстоятельства. Мы с Яковым, лишённые советского гражданства, быстро пройдя контроль документов на выезд из страны и право лететь данным самолетом, этим действием фактически пересекли границу страны, однако в течение долгого времени не могли увидеть своих детей и внучку, проходящих **одновременно с нами** такой же контроль документов, но у другого пограничника. Когда мы их, наконец, увидели, на Леше и Кэтти лица не было. Оказалось, что из-за появившихся с Ясенкиным возрастом формальных разногласий в типе ее фотографии, ее не хотели выпустить из страны. Дело в том, что до определенного возраста ребенок в документах должен быть сфотографирован вместе с матерью, а, перейдя эту возрастную границу, должен быть на фотографии один. Между подачей документов на выезд и реальным выездом прошли годы, а наши ребята не знали о требованиях к документам для ребенка другого возраста. Можно себе представить, какого нервного напряжения все это стоило ребятам, — пограничник твердо отказывался выпустить Ясенку с

родителями. И лишь после долгих переговоров, наконец, начальник этого пограничника принял решение выпустить Ясенку из страны.

У вас, несомненно, все будет упаковано согласно размерам и при декларировании ничего не будет забыто. Можно заранее съездить в Шереметьево-2, взять бланки декларации, там их заполнить и проконсультироваться со служащим таможни, все ли правильно сделано. Кроме того, на наш взгляд, хорошо бы составить список вещей, вложенных в каждое место багажа, на случай, если багаж пропадет. Это можно сделать, если собираться без спешки.

ПОЕЗДКА В АЭРОПОРТ

Нас предупредили, что заказывать такси, чтобы везти вещи в Шереметьево, нельзя: были случаи, что при отказе заплатить за рейс 100 долларов по дороге в аэропорт вещи выбрасывали. Яков договорился на своей работе о выделении для нас автобуса. И это было прекрасно, так как нас провожали друзья и родственники.

Самолет должен был вылететь в 8:30 утра. Мы выехали с вещами и со всей семьей из дому накануне, в семь часов вечера, взяв раскладушку для внучки и металлическое кресло для меня. Таможня для нас должна была начаться в два часа ночи (за 6 часов до вылета). На самом деле досмотр начался около четырех часов утра. Не уверена, что при предстоящем практически суточном пути следует так рано уезжать из дому всем членам семьи. Если есть друзья с машиной, думаю, что маму вы могли бы привезти в аэропорт и к моменту прохождения таможни. Тем более, что накануне днем поспать невозможно — у нас в это время, например, шли лихорадочные досборы, провожания-прощания и прочее.

ПЕРЕЛЕТ В АМЕРИКУ

В самолетах, во всяком случае, на отводимых нам местах, расстояния между сиденьями — как в советских самолетах: ни развернуться, ни вытянуться. Кроме того, в отличие от советских, в самолетах Пан Амэрикан было разрешено курить, причем было запрещено для курения идти «в хвост», следовало курить **на своих** местах.

У нас **полет** от Москвы до города нашего американского проживания занял 23 часа, не считая времени от аэропорта это-

го города до места, отведенного для жилья. К полету с тремя пересадками и такой длительности надо быть готовым психологически и физически. Что хорошо: время набора необходимой высоты и посадки у американских самолетов меньше, чем у советских, и сам процесс продельвается довольно мягко.

Полет до Франкфурта-на-Майне занял 3,5 часа (скорость полета, по-видимому, была не очень высокой). Процесс пересадки на другой самолет элементарно прост, без больших переходов. С вещами, сданными в багаж, мы там не встречались. Полет через океан от Франкфурта длился 9 часов. Это несколько длинновато-долговато, особенно если в каждом ряду несколько человек курят и почти непрерывно. Но в самолете могут быть незанятые места в других рядах, где меньше курящих. Можно посидеть на таких свободных сиденьях и прийти в себя или немножко походить по крупнейшему самолету.

Что точно: с голоду здесь не помрешь. Кормят вкусно и часто, а попить разных напитков дают еще чаще.

Хотя на два города (город нашего проживания и соседний) имеется аэропорт международного класса в 15 минутах езды на такси до нашего города, но из Нью-Йорка полеты в наш город осуществляются не с того аэропорта, в который прилетают самолеты из Союза. Расстояние от Нью-Йорка до нашего города 190 миль. Беженцев решено привозить из Нью-Йорка сюда не автобусом и не прямым самолетом (после перевозки пассажиров с одного Нью-Йоркского аэропорта в другой), а двумя самолетами: 1) Нью-Йорк — Филадельфия, 2) Филадельфия — наш аэропорт. Стоимость проезда в каждом из этих двух самолетов — 65 долларов. Кроме того, и в Нью-Йорке, и в Филадельфии надо довольно долго (особенно в Нью-Йорке) ждать посадки в самолет.

ПРЕБЫВАНИЕ В НЬЮ-ЙОРКСКОМ АЭРОПОРТУ

В Нью-Йорке происходит впечатляющая встреча с людьми из эмиграционной службы и представителями ХИАСа. Особенно мы были тронуты неоднократными попытками людей из ХИАСа построить нас в очередь, строго в затылок друг другу, и подержать так людей разного возраста как можно дольше, резко покрикивая на тех, кто нарушал прямую линию, намеченную людьми ХИАСа для приехавших в «страну больших возможностей». К этому хорошо относиться с юмором, как к попытке представителей ХИАСа освежить в памяти новопривывших еще незабытые московские будни.

Мы отдали здесь свой пакет с документами, на наши документы приклеили какие-то бумажки. На пиджаки мужчин приклеили тоже бумажки. Затем мы расписались в каких-то бумажках. После этого некоторыми потайными переходами в сопровождении провожатого, выделяемого на 2-3 семьи, отправились в некоторое помещение, где по кругу катались наши вещи. Их надо было отловить, погрузить на тележки, любезно подвезенные прикрепленной к нам провожатой (иначе за тележку надо было бы платить), и повезти, не упуская из виду провожатую, к определенной стойке, где, по-видимому, сотрудники тамошни или авиакомпании отрывали прежние бирки с багажа и навешивали новые. Здесь же нам служащий этой организации настойчиво рекомендовал сдать всю ручную кладь тоже в багаж, ибо предстоящие нам два самолета должны были быть очень маленькими (оказалось, что человек на 20, не более).

Хотя самолеты маленькие, но полет в них не менее удобен, чем в больших, и длится каждый примерно 30 минут. Чтобы мы не проголодались, в каждом из этих самолетиков дают попить кофе, чай или сок и соленые орешки на закуску.

ВСТРЕЧА В КОНЕЧНОМ АЭРОПОРТУ

И вот, наконец, конечный аэропорт. Около 12 ночи по местному времени (крошечная тьма). В здании аэровокзала нас встречают подбадривающе улыбающиеся Андрияша, Наташенька, Люба и известные вам по письмам Дэвора и Том. Хотя на нашем самолете прилетело, кроме нас, еще только два человека, но в здании аэровокзала полно прибывших другими рейсами. Зная, что город нашего американского проживания невелик, такого трудно было ожидать, да мы и не знали, что этот аэропорт — международный.

Тут же появляются наши багажные места. Двух — нет. Сначала их ищут, затем Андрияша помогает сообщить служащим, что двух мест нет.

А тем временем Дэвора тащит 32-х килограммовый чемодан к выходу. Увидев, что вовсе не цветущая ни в смысле молодости, ни в смысле здоровья, худенькая невысокая женщина справляется с нашим грузом, мы с Кэтти, доселе прикованные к полу неожиданностью момента, новыми впечатлениями и беседой с вашими ребятами, пристыженные, устремляемся тянуть за собой к выходу другие наши неподъемные вещи. На улице Дэвора и Том грузят вещи в свои шикарные лимузины. Прони-

зывающий ветер. Свое пальто я сдала в Нью-Йорке в пропавшую, как теперь выясняется, ручную кладь. Ощущаю до костей доходящую повышенную свежесть воздуха.

Наконец, как в тумане, садимся в машины и в кромешной темноте мчимся навстречу...(?). Появились жилые кварталы. Остановка. Нам говорят, что мы приехали. Выгружаем вещи. Говорят, что ваши ребята живут в том же доме, где будут жить наши дети. Поднимаемся на второй этаж. Кэтти видит, что у ее дочери будет отдельная комната, что постели ждут новых жильцов, все чисто, в комнатах новая мебель, кухня полностью оборудована, в холодильнике продукты на первое время, и... заливаются слезами, бросается обнимать Дэвору и Тома. После этого все направляются через два двора к такому же двухэтажному домику. Все повторяется. Совершенно обалдевшие от всего, что сделали для нас ваши дети, Роза и община, мы долго не можем уснуть, хотя пошли третьи сутки непрерывного бодрствования, если не считать небольших отключений сознания в самолетах.

Первый день в нашем американском городе

Утром в 11:00 того же дня прибытия (в наш город мы приехали 3-го апреля по местному днесчислению, хотя в Нью-Йорк, т.е. на американский континент — 2-го апреля) вместе с Наташенькой отправляемся в контору к Дэворе на ею предварительно назначенную встречу. У нас из нашего пакета берут для копирования документы и визы. Наташенька уточняет для нас детали беседы. Нам выписывают чеки на неделю. Дэвора отдает дань уважения пониманию Яковом идиша (у Якова дела с идишем, как у умной собаки со словами человеческой речи: все понимает, а сказать не может). Мы с Лешей тоже иногда что-то понимаем из идиша благодаря изучению в школе немецкого языка. Дэвора обещает через неделю включить нам телефон и терпеливо вслушивается в наши будто бы на английском языке лепетания, означающие благодарность за все, сделанное общиной. Большая часть нашего лепета становится ей доступной благодаря Наташенькиному участию и переводу. Но Леша, тем не менее, получает комплимент по поводу своего «British» произношения.

Наташенька энергично ведет нас в банк, где мужчины участвуют в таинстве превращения чеков в зелененькие. Все в порядке. Мы можем следовать за Наташенькой еще в два важнейших социальных офиса. В одном мы делаем заявку на получение Social Security Number — карточки вместо паспорта, которым

пользуются в Союзе, на которой дан наш неповторимый индивидуальный номер в США. По этому номеру нас будут в дальнейшем отличать, как и любого жителя этой страны. В другом офисе нам дают домой анкеты, чтобы к утру следующего дня принести их заполненными. Это — служба WELFARE (служба по улучшению бытовых условий населения) пытается подключиться и помочь общине нас кормить и медицински обслуживать, начиная уже с конца первого или с начала второго месяца нашего пребывания в стране.

Наташенькина энергичная походка напоминает нам: «Знайте, время — деньги!» Мы стараемся не заставлять ее нас ждать, поспешаем быстрыми шагами окунуться в новый мир под названием «ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ». По авеню и стритам города его жители «гуляют», сидя в машинах. И лишь те, кто имеет физические или умственные недостатки, мешающие управлять автомобилем или работать и приобрести автомобиль, да ново-прибывшие беженцы, «гуляют» пешком. Поэтому с первого взгляда кажется, что в Америке полно инвалидов разного вида. Здоровые жители нашего города проводят свою жизнь вне дома, сидя за рулем автомобиля или проходя несколько шагов от офиса или магазина к своему Кадиллаку, Шевроле, ...!

ПЕРВОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ В АМЕРИКАНСКИЙ ДОМ (в гости)

Мы приехали в среду. А уже в пятницу этой пасхальной недели Андрюша, Наташенька и Розочка устраивают нам приглашение «на шабат» в семью их врача. Леша наотрез отказывается надеть вместо кипы одну из среднеазиатских черно-белых тубетеек, привезенных давным-давно командировочным евреем со среднеазиатским лицом (Яковом). Андрюша снабжает Лешу кипой.

Придя в дом врача, мы не сразу поняли, почему хозяйева чуть ли не с начала «международной встречи» затеяли разговор на тему: чем примечателен язык, на котором общаются бухарские евреи. Спустя некоторое время, все прояснилось. Тему беседы подсказала тубетейка на голове Якова.

Бедный Яша. Он абсолютно ничего не понимал из непрерывно льющейся речи словоохотливого хозяина дома, хотя врач и говорил, в основном, о компьютерах, стоящих в его клинике. Да что Яков. Я, прочитавшая не менее ста оригинальных английских книг, пребывала как бы в длинном темном туннеле, где кое-что

помогают разглядеть светящиеся фары быстро проскакивающих машин. Это были те редкие слова среди множества произносимых, которые мне удавалось идентифицировать. В речи всех американцев, с которыми нам пришлось общаться, слова мчатся друг за другом, как будто цель речи в том, чтобы каждое последующее слово обогнало предыдущее. Как на скачках за огромный приз. Сильное напряжение нас четверых взрослых хоть что-то понять, плюс неликвидированный еще недосып, плюс начавшийся процесс акклиматизации дали следующий результат: Яков, сидящий на почетном месте через одного ребенка от хозяина, справляющего свои обязанности по всем правилам Торы, положил свою головку в тубетейке на поставленную на локоть руку и с блаженной улыбкой стал все чаще и на более длительное время прикрывать глаза. Сначала Лешенька, сидящий с ним рядом, подтакиванием с определенной частотой заставлял Якова окинуть всех сидящих добрым взглядом, а затем и сам поддался естественным природным силам, овладевающим нами. Мы с Кэтти с огромными усилиями, чтобы до конца не подвести ваших ребят, старались держать глаза открытыми. «В своей тарелке» чувствовали себя, кроме хозяев, лишь Андрюша с Наташенькой, да ставшая почти членом этой семьи Розочка и, конечно же, ваш внучок Даник. Да, в этой семье мы окончательно опозорились. Тут уж ничего не поделаешь. Жаль, что мы подвели ваших ребят. Много позже ваши ребята нам сказали, что они тоже поудивлялись, почему мы были весь этот вечер такими смиренными и тихенькими.

КВАРТИРЫ, В КОТОРЫХ МЫ ЖИВЕМ

Подошло время описать квартиры, в которых мы живем. Квартира наших ребят эквивалентна квартире ваших; в нашей — на одну спальню меньше.

В кухне — три подвесные и две напольные полки с дверцами и одна подвесная без дверей, огромных размеров четырехконфорочная электроплита и большой, хотя и однокамерный, холодильник. Напольные полки можно бы назвать тумбами. Они — под мойкой, и в одной из них несколько ящиков. Все это давно было в употреблении и в будущем году подлежит замене (хотя по советским меркам может служить еще долгие годы).

Община купила для кухни к нашему приезду: тостер, одну кастрюлю, две ковшеобразные кастрюльки меньших размеров, две сковородки, три глубокие (но маленькие) и три плоские тарелочки, три бокала, четыре чашки с блюдцами, ложки, вилки,

ложечки и ножи; продукты на пару дней; чайник со свистком, губку для мытья посуды, средство для мытья посуды и раковины, сушку (пластмассовую) для посуды, метлу, швабру, ящик для мусора с совочком. Над плитой есть вытяжка типа вентиляционной решетки, которую можно включать при необходимости. В кухне окон нет.

Первая комната ничем не отделена ни от входной двери, ни от кухни. Из нее вход в совместный санузел и в спальню; спальня и санузел имеют двери. Напротив входной двери первой комнаты — стенной шкаф. В нем полка над палкой для вешалок. Задняя стенка этого шкафа — одна из стен кухни. В этой комнате есть еще один узкий (шириной 50 см) стенной шкафчик с четырьмя полками. На одной из них — новенький утюг с регулятором, способный работать с паром, комплект простыней, пачка стирального порошка и запас туалетной бумаги. В этой же комнате есть шкаф с деревянной дверцей, внутри которого — система для подогрева воздуха, которым «отапливается» вся квартира. Рядом с ним — окно-дверь шириной в 2 м и почти такой же высоты, через которое можно напрямик выйти на зеленую лужайку. На эту «дверь» навешивается мелкая ячеистая сетка (такая же сетка есть на окне спальни и в санузле). В комнате находятся купленные общиной к нашему приезду дубовый столик (120 × 80), два стула, мягкий диван с подушками и напольная лампа-торшер.

В спальне находятся две новенькие на колесах кровати с высокими матрасами, две подушки в новеньких наволочках. Кровати покрыты простынями, а сверху двумя «ватными» (наполненными синтетическим пухом) одеялами — все новое. Общиной куплены и дубовый комод с шестью ящиками, и лампа с абажуром. В спальне тоже есть стенной шкаф примерно 2 м длины с одной полкой и палкой для вешалок. Окно шириной 1 м и такой же высоты.

Санузел чуть больше, чем объединенные ванная и туалет в блочных домах в Союзе. Дно ванны находится непосредственно на полу ванной комнаты, и боковые стенки ванны невысокие, что должно быть очень удобно для пожилых людей. Есть стационарный душ над ванной. Ванна загорожена висящим пластмассовым занавесом. На стене над ванной есть маленькая полочка для мыла и две губки для мытья. На другой стене — вешалка для полотенца. Над раковиной — шкафчик с зеркальной дверцей (это — единственное зеркало в квартире). В этом шкафчике мы

находим две новенькие зубные щетки и кусочек мыла. Над раковиной же есть две полочки-малютки: на одну можно положить кусочек мыла, в другую — вставить стаканчик и четыре зубные щетки. На противоположной от раковины стене — металлическая вешалка, на которую повешены два банных полотенца и два полотенца для рук. На той же стене напротив унитаза (который рядышком с раковиной) висит держатель рулона туалетной бумаги (бумага тоже есть).

Во всей квартире — линолеум. Квартира со всем необходимым для жизни на первых порах. Сразу, можно сказать, поданная к трапу самолета! Кроме огромного чувства благодарности судьбе, вашим ребятам, Розочке и вам, вырастившим такого сына, а также общине, нам по этому поводу больше сказать нечего.

ЧТО НАМ КАЖЕТСЯ БЫЛО БЫ ПОЛЕЗНЫМ ВАМ ДЛЯ СЕБЯ ПРИВЕЗТИ С СОБОЙ

Пришло время устраиваться, распаковывать чемоданы, развешивать и раскладывать все привезенное. Жить в квартире вечером, когда зажигается свет, и т.д. И что же выясняется? Что даже таким не избалованным жизнью людям, как мы, пришлось столкнуться с большим количеством бытовых проблем, разрешить которые мы еще долго не сможем из-за финансовых затруднений.

Чтобы ходить по квартире, нужны тапочки: пол — ледяной (первый этаж, плюс линолеум). А так как Яков категорически отказался класть в багаж свои, а Леша последовал папиному примеру, то оба одели имевшиеся у нас толстые шерстяные носки и в них ходят по квартире. Самые дешевые комнатные мужские туфли, которые можно купить за городом (проезд в автобусе туда обходится в полтора доллара), стоят больше шести долларов. Кстати, из-за появляющихся жарких дней остро встает и другая проблема — открытой легкой мужской и женской обуви, но особенно мужской, т.к. цены на нее гораздо выше, чем на женскую. Мои мужчины резко возражали против взятия с собой в дорогу их сандалий (они, конечно, были не из лучших). Теперь оказывается, что самые дешевые из них, и тоже за городом, стоят больше двадцати долларов. Как говорит молодежь, — «кранты!» Мы (Яков и я) на свои 60 долларов в неделю, несмотря на некоторые продовольственные запасы, которые уже были в квартире к моменту нашего приезда, в первую неделю, покупая лишь продукты, не смогли прожить (хотя

мы и не относимся к людям, которые очень много едят). Мы должны были добавить из обмененных в Союзе денег и начали укладываться в выдаваемую сумму лишь после двух недель жизни здесь. Отсюда ясно, что пока покупать что-то еще кроме продуктов довольно затруднительно.

Встал с кровати, опустил ноги на пол, а он — ледяной. Нужен хотя бы один коврик. Его нет. Мы могли бы взять с собой нетяжелые половички (моя мама вышивала такие в большом количестве). Половичок нужен до входа и после двери в квартиру, в ванной комнате, хотя бы непосредственно перед ванной. Хорошо бы и возле дивана. Мы привезли ковер — и очень правильно сделали, хотя и потратили на это 130 долларов из разрешенных к обмену в Союзе. Он украшает комнату, на нем можно сидеть, лежать, делать зарядку. Здесь такие ковры стоят несколько тысяч долларов, и даже при расширенной распродаже их цена не опускается ниже одной тысячи. Но... этот ковер не решает тех проблем, о которых говорилось выше.

Нельзя все стирать в машине, да это и дорого. Стирать вручную не в чем: ванна — на уровне пола. Самый маленький пластмассовый тазик стоит больше четырех-шести долларов (помоему, об этом говорила Роза). При стирке без тазика, «на лету», нужно стиральное мыло. Туалетное мыло стоит порядочно (как в Союзе большие куски). При наличии тазика хозяйственное мыло хорошо и для стирки мелких вещей. Легкий пластмассовый тазик в багаже мог бы даже сослужить защитную службу.

Постиранное надо повесить. Ни гвоздиков, ни веревок. Что-то типа шурупов здесь можно сравнительно недорого купить и, будто бы, вручную ввинтить, т.к. стены (по словам Якова) — «сухая штукатурка», из-за чего слышимость и вертикальная, и горизонтальная в этих домах отличная (от учительницы английского я узнала, что и в частных домах слышимость аналогичная). Шнур-веревку тоже надо купить. Во всей квартире нет ни одного гвоздя.

Кроме четырех узких полочек в стенном шкафу, двух полок в двух других шкафах и шести ящиков комода вещи разложить некуда. Книги и тетради — тоже. Повесить вынутые из чемоданов вещи не на что — ни одной вешалки (позже по нашей просьбе Дэвора даст нам полтора десятка проволочных вешалок без крючочков для юбок). Такие же вешалки впоследствии Кэтти увидит в какой-то благотворительной организации, и мы сможем, наконец, что-то повесить. Хорошие вешалки могут появ-

виться, когда американцы в конце сезонов года начинают приносить в подарок вещи со своего плеча, ибо каждая их вещь висит на такой вешалке. Такая мелочь, а делает невозможным заполнение стенных шкафов и выгрузку чемоданов.

Надо мыть голову (неважно, по американским или по нашим традициям) — шампуня нет. Мы его не взяли, хотя в нашей московской ванной комнате его было в разных расфасовках вложенного в кармашки многокарманной вешалки из ГДР — навалом. Мы не взяли ни одного! Как и эту, как теперь нам всем представляется, блестящую вешалку с кармашками. Шампунь здесь очень дорог, краска для волос — еще дороже, да и сорта нам непонятны. Расчески и фен — крайне нужны. Они недешевы. Фен должен быть на 110 вольт, как и вся электроаппаратура.

В нашей пропавшей сумке кроме моих профессиональных бумаг, приготовленных мною в Москве для устройства на работу, были еще несессер для бритвы Якова, маникюрный набор, моя расческа, все для умывания (слава Богу, здесь приготовили для нас зубные щетки). Зубная паста, мыло — все для нас сейчас малодоступно.

Зажигаем вечером свет, на окнах нет занавесей, а иногда и нет, на что их повесить: ни карнизов, ни гвоздей для их крепления или для крепления веревки вместо отсутствующих карнизов. Один карниз у нас был, другой Яков нашел среди вынесенных кем-то для уборки мусора вещей. В санузле — ни гвоздей, ни карниза. Через какое-то время нам дали плотные (естественно, бывшие в употреблении) занавеси на обе комнаты. Тонкие надо добывать самим (кстати, почему-то занавески здесь не предлагают в качестве подарка). Правда, у наших ребят тонкие занавески уже висели, и они, даже довольно незатейливые, здорово украшают комнату.

Хорошие англо-русские (их не достать здесь в библиотеках) и русско-английские словари, тетради, ручки, записные книжки, бумагу, карандаши с ластиком хорошо привезти в багаже с собой, а не посылками, как сделали мы. Желательно привезти с собой: готовые и составленные в нескольких вариантах, переведенные на английский и отпечатанные резюме на все случаи жизни (т.е. виды деятельности), списки ваших трудов (в переводах), основные статьи (в переводах), краткое описание содержания основных работ, выполненных за прошлые годы — тоже на английском. Все это только будет требовать ксерокопирования,

которое нам здесь доступно. Очень важно привезти с собой (не в посылках) письменные заготовки по объяснению врачам, что с вами случилось сейчас или уже тянется давно; почему вы не можете глотать подряд все их лекарства; как все это называется; что вы чувствуете, когда вас все это беспокоит; какие лекарства вы при этом принимали; и прочее — все на английском языке.

Косметику я не считаю здесь дешевой. Считаю, что на первые полгода лучше запастись ею в Союзе. Правда, есть тонкости, о которых я, в частности, узнала только здесь. Например, я думала, что обладаю духами (мне в Москве ребята на день рождения подарили «Climate»). Здесь же Кэтти, которая участвовала в дарении, сказала мне, что этими духами в США пользуются только проститутки, и приезжающие в Нью-Йорк их берут с собой для продажи этим особам.

Здесь очень нужны будут крем и щетки для обуви, щетка для одежды (мы должны выглядеть аккуратными, а все это нам пока не по карману, все в изобилии оставлено в московской квартире).

Когда мы впервые вошли в квартиру, то почувствовали резкий запах дезинфекции. Прошло уже три недели. Многократные проветривания, а в теплые дни раскрытые окна — не удалили этого запаха. Перебить его нечем, как и запах в помещении санузла. То есть в магазинах все есть, но не у нас.

Нужны покрывала на кровати (пусть тонкие, матерчатые). Размеры кроватей 2 м X 1 м.

Желательно купить в Союзе хлопчатобумажные носки в большом количестве и такое же белье. Все из натуральных тканей здесь дорого.

Желательно иметь с собой лекарства, лекарства, лекарства — от простуды, гриппа и т.д., и т.д.!

Ясно, что я далеко не все бытовые проблемы перечислила, видя их решение во взятии необходимого с собой из Союза.

Мне кажется, что если вы представите себя здесь, то, исходя из ваших привычек и необходимости, сможете подготовиться к отъезду лучше нас. Что же касается легкого платья и мужских костюмов, то их тут стараются подарить приезжающим. Так я удлинила для Леши два из подаренных костюмов, и он в них уже ходит. Остальные удлинению не поддавались, и мы их вернули для передачи другим семьям.

Посуда, особенно кастрюли, сковородки, терки, доски, скалки, кухонные ножи, посуда для хранения еды в холодильнике

ке (здесь это все лишь пластмассовое и дорогое) — сейчас для нас недоступна.

Всю аппаратуру на 110 в хорошо бы иметь (надежды на приобретение повышающих трансформаторов на годные в Союзе электроприборы не оправдываются — или их трудно найти, или они очень дорогие).

Надо иметь с собой магнитофоны для изучения языка.

Видеомагнитофон может помочь в изучении специальностей по видеокассетам, которые можно бесплатно брать в библиотеке. Только придется заплатить за сдачу экзаменов на новую специальность, а не за курс обучения. Все курсы методически здесь подготовлены прекрасно.

ОТВЕТ НА ПРОСЬБУ ВАШЕЙ МАМЫ

Просьбу вашей мамы по поводу приезда ее хороших друзей я передала через Розу. К этому времени она уже знала об этом деле. Она объяснила мне, что в округе этого города община уже бесплатно никого не берет, что эта община уже насыщается. Некоторым семьям, за которые ходатайствовал, по-видимому, ХИАС, община отказала (по той, будто бы, причине, что в состав семей входили и русские). Роза ужасно боится теперь ходатайствовать, чтобы не оказалось, что в результате переполнения будет отказано в приезде ее родственникам. В общем, так я это все поняла, хотя, может быть, я чего-то и не поняла.

ПРАВА НА ВОЖДЕНИЕ АВТОМОБИЛЯ

Кому-то из вашей семьи, а может быть и всем, если этого еще не случилось, надо научиться водить машину (сдавать на права в Союзе, по-моему, совершенно бессмысленно, только трепка нервов). Очень хорошо выучить правила по продаваемым для этой цели билетам с тем, чтобы по приезде, купив, может быть, даже за 300 долларов, машину, иметь возможность передвигаться, что совершенно необходимо в поисках работы. Не говоря уже о том, что все недорогие магазины находятся за городом или на его границах. К сожалению, Андрюша так занят, и такая же занятость у него предвидится в будущем, что он не сможет совершать с вами все необходимые для вас поездки, особенно в рабочее время. Если хорошо поездить с учителем по Москве и поучить теорию, то, как говорят, здесь сдать экзамен не будет проблемой.

Вашу маму я тоже не исключила из этого числа обучающихся вождению, т.к. ежечасно наблюдаю людей самого пожилого

возраста за рулем своего автомобиля. И советское «женщина за рулем» здесь нельзя сказать, даже в качестве анекдота — не поймут, ибо школьницы старших классов и те едут в школу на своих машинах. Ваша мама со своей светлой головкой их всех за пояс заткнет.

ПРОБЛЕМЫ С УСТРОЙСТВОМ НА РАБОТУ

Проблемы с устройством на работу есть у всех нас. Кроме языка препятствие еще в том, что сейчас здесь экономический спад. А у нас с Яковом — еще и возрастной ценз. Идут массовые увольнения коренных американцев, проработавших на одном месте по 10 лет, и так — по всей стране. Будто бы экономисты не могут объяснить причину спада, но прогнозируют подъем к осени, к вашему приезду. Увольнения из-за спада в промышленности, увольнения из-за разоружения в армии и из госучреждений привели к тому, что сейчас на появляющиеся вакансии огромные конкурсы высококлассных специалистов — коренных американцев. Но до этапа устройства на работу мы еще не дошли: огромной преградой для нас является язык, особенно для Якова.

У Кэтти тоже большие проблемы с устройством на работу. Мало того, что ее удостоверение косметички здесь недействительно. Ей следует поступить в спецшколу, заплатив за нее от трех до пяти с половиной тысяч долларов за обучение в течение четырех-восьми месяцев. Но хуже то, что нет клиентов. Парикмахерские салоны пустуют. И еще хуже с массажем лица. У Кэтти сложилось впечатление, что у американок потребности в массаже лица нет. Во всяком случае в нашем городе.

Помощь общины и WELFARE

Насколько мы понимаем, с общиной и велфером положение следующее: община финансово помогает не больше четырех месяцев, и уже через две недели начинает серьезно настаивать, чтобы приехавшие скорее начали искать себе работу, усиленно предлагая работу в качестве санитаров и санитарок в домах инвалидов, домах престарелых, работу по уборке санузлов в некоторых учреждениях. Поэтому еженедельные обязательные посещения руководства общины в связи с необходимостью получения очередного чека большинству приехавших — не в радость, хотя община, действительно, много делает к моменту приезда беженцев и затем организует какие-никакие

уроки английского языка и другие немаловажные дела. Многие приехавшие поэтому входят в конфликтные отношения, особенно с Дэворой. Через 4 месяца тех, кто устроился учиться, на пару месяцев берут на WELFARE. А все курсы в нашем штате — платные. Законы этого штата таковы, что все льготы с учебой могут начаться после получения грин-карты, в том числе и ссуды банков на учебу. Получается какой-то замкнутый круг. Висит дамоклов меч, что очень скоро можно просто оказаться на улице, т.к. нечем будет заплатить за квартиру и даже за то качество медобслуживания, которому, судя по уже услышанному, приехавшие вовсе не рады (мы этого еще не испытали, т.к. еще не получили доступа к этому виду обслуживания). Это страшно действует на нервы людей нашего возраста (это не касается пенсионеров — для них делается все возможное). Приехавшие, в течение нескольких дней наслушавшись всех понемногу, получив, вдобавок, несколько мягких уроков на собственной шкуре, быстро забывают, из какой катастрофической страны они вырвались. Не успевают порадоваться новой жизни.

Встав на американскую землю, я сбросила с себя бремя страхов, что если что-то случится в Союзе с кем-нибудь из членов моей семьи, то в этом буду виновата только я, много лет препятствовавшая выезду Якова из Союза. Этот ужас в последние годы и месяцы нашей жизни в Москве, наверное, в большой степени расшатывал мое и так не хорошее здоровье. Я надеялась, что, сбросив этот груз, перейдя на нормальную пищу, в среде нормальных человеческих отношений, может быть, не только стабилизирую, но и поправлю свое здоровье. Боюсь, что этого достичь будет трудно. Яков чрезвычайно остро переживает и отсутствие языка, и ответственность в предстоящие месяцы. И психологически жизнь вернулась на круги своя. Изменилась причина тревог. Тревоги остались, острая реакция на них — тоже. Переделывать надо нас самих. Реально ли это? У вас на такую работу есть время. Да и вы люди более разумные, светлые и радостные, чем мы. Мы в вас верим и ждем. Будем верить и в себя.

Целуем.

Яков, Кэтти, Лешенька, Мэй, Ясенька

